

ВЕЧНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ

беспорочен славный малый Жуан и отнюдь не мыслитель, но отважен, пылок, спо-

БЫВАЮТ спектакли, остающиеся в душе, как событие, полное радости, как праздник, — такой спектакль создан в Ленинградском театре комедии. К 175-летию со дня рождения Байрона Н. Акимов поставил байронова «Дон-Жуана» — поэму, предназначенную для чтения, гениальное смешение спокойного реалистического рассказа с трибунным пафосом, лиризма с убийственной насмешкой, молодого веселья с гневной печалью о несовершенстве общественного бытия. Это смешение оказывается необыкновенно действенным и долгоживущим, и Акимов нашел для него ту форму, которая дает возможность прочитать поэму со сцены. На протяжении четырех длинных актов владеет неослабным вниманием зрителей.

На сцене ширма, задрапированная голубым бархатом. Пять чтецов появляются из складок драпировки. Двое мужчин в старинных черных фраках, две дамы в черных вечерних платьях, пятый — юный Дон-Жуан. Чередуюсь, они читают небольшой пролог. Вслед за слова-

ми: «Внимание! Байрон! Байрон говорит!» — переходят к тексту поэмы, к биографии Дон-Жуана, и зритель сразу околдован стихом, полным остроты и мысли, сверканьем изящно законченных октав. Действие служит как бы иллюстрациями к стихотворному повествованию. Разнообразные картины, неизменно блестящие красками и юмором, разыгрываются то перед ширмой, то за ее раздвинутыми створками в глубине сцены, но главным образом на ширме, временами (спальня Юлии, Жуан на палубе корабля, первое появление Ламбро) дерзновенно приближаясь чуть не к балаганному зрелищу. Это жгучее сближение высокой декламации с пародией отмечено резкой печатью современности и наводит на раздумья — как велики перспективы, как много еще неиспользованных возможностей (в том числе в области применения классических приемов) у театральных подмостков...

Некоторые иллюстрации идут так пантомима, за актеров говорит устами чтецов автор поэмы. В

Вера ПАНОВА

других случаях простодушно-патетические речи действующих лиц сопровождаются ироническим авторским комментарием через тех же чтецов. Так построена, к примеру, картина пятая — на палубе, открыто-венно балаганная. Нос корабля с страдающим Жуаном высовывается из-за кулисы, корабль раскачивается нарочито грубо (шторм!). Жуан взывает к прекрасной Юлии, с которой его разлучили, а чтец рекомендует сочувственно: «Мне от морской болезни помогал всегда биштекс. Наставать не смею, но все же, сэр, примите мой совет: попробуйте, худого в этом нет!» И терзания любовной разлуки заслонены приступом прозаической немощи...

В небольшой заметке нет места для описания даже наиболее запомнившихся сцен; впрочем, запоминаются почти все. Упомяну хотя бы о двух: Жуан и Джонсон, прикованные цепями к столбам, на вольничьем рынке, и продажа их

евнуху пиратом Ламбро; отъезд Жуана из России в Англию в качестве посла — сцена восхитительная по театральной выразительности и лукавству.

Каскад блестящих стихов (перевод Татьяны Гнедич, ее же пролог и эпилог) и каскад блестящих картин, пронизанных тонким вкусом и артистизмом, сливаются в едином счастливо найденном ритме. Акимов — постановщик, Акимов — художник, Акимов — создатель эстетической композиции текста — единое целое в этом гармоническом умном спектакле, на языке театра пересказавшем нам одно из лучших творений Байрона. В полную силу проявились здесь таланты актеров, читающих текст поэмы. — Е. Юнгера, Л. Колесова, А. Савостьянова — и всего даровитого, на редкость слаженного коллектива Театра комедии. И, конечно, одна из решающих удач спектакля — сам Дон-Жуан в исполнении Г. Воропаева и Б. Улитина.

Они не стараются сделать своего героя лучше или хуже, чем изображено в поэме. Отнюдь не

собен на нежность, отыскав на чужую беду. Несколько «телячьих» радость существования делает его очень привлекательным. Питаясь живыми соками жизни, он расцветает у нас на глазах, и мы симпатизируем этому расцвету, который есть залог вечного обновления мира.

Испытание за испытанием постигает Жуана: кораблекрушение, голод, неволя, война. Но любые натиски судьбы он встречает с открытой грудью, в самых отчаянных положениях оставаясь человеком. Зато как по-детски доволен, когда фортуна, пусть не слишком добродетельными путями, приводит его к благополучию. Сколько томно-плутоватого конетства во всей его фигуре, когда он, в своих бледно-желтых атласных штанах и с огромной горностаевой муфтой, отправляется из Петербурга в Лондон — посол императрицы Екатерины и бывший ее фаворит...

Он вернулся к нам теперь после долгого, очень долгого отсутствия, и великий российский город с пониманием и любовью принял его.

Известия, 1963, 22 июля